

УДК 316.3-058.3(510)
DOI 10.20339/AM.04-26.099

Ли Чжожу,
аспирант социологического факультета
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);
Заместитель генерального секретаря
Общества мировой политической экономии (Китай);
научный сотрудник Института исследований
государственной безопасности
Нанкайский университет (Китай)
e-mail: liz@my.msu.ru

ТЕОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ КИТАЯ И КИТАЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ.

ЧАСТЬ II. ЭМПИРИЧЕСКИЕ ПРОВЕРКИ – МАТЕРИАЛЬНАЯ БАЗА, НАУЧНО- ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ДУХОВНАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА¹

В Части II выявляется и эмпирически апробируется стратегия формирования политических элит партийно-государственного комплекса КНР, представленная в Части I и связанная с двумя факторами китайской модернизации, а именно материально-технической базой и научно-технической, включая цифровую, революцией, а также с трансформацией надстройки и духовной социалистической культурой. Процессуальная реконструкция последовательности реформ в сочетании с официальной статистикой и конкретными качественными свидетельствами позволяет установить механизм формирования элит, включая их институционализированную ротацию, профессионализированный отбор, институциональные адаптацию и инновации, сетевые ресурсы и научно-рациональные процедуры управления как опосредующие звенья, через которые элиты увязывают индустриализацию, инновационную политику и управление данными с задачами социальной стабильности, перераспределения и управления рисками. В материально-техническом контуре стратегическое планирование, институциональное проектирование и связь «развитие – безопасность» переводят научно-технические сдвиги в институционализированный модернизационный путь, задавая устойчивую логику управленческого сопровождения инноваций. В надстроечном контуре идеологическое производство, анти-коррупционные и дисциплинарные практики, а также культурно-ценностная интеграция формируют институциональную легитимность и поддерживают воспроизводство социалистической духовной культуры. В сравнительной перспективе полученные результаты уточняют границы модернизационных парадигм «вымывания субъекта» и обосновывают эвристическую продуктивность теории элитной субъектности как переносимого инструмента анализа траекторий развития в странах Глобального Юга.

Ключевые слова: политические элиты Китая, материально-техническая база, научно-техническая и цифровая революция, надстройка и идеологическое производство, социалистическая духовная культура.

THE THEORY OF THE FORMATION OF CHINA'S POLITICAL ELITES AND CHINESE MODERNIZATION.

PART II. EMPIRICAL TESTS – THE MATERIAL BASE, THE SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL REVOLUTION, AND SPIRITUAL SOCIALIST CULTURE¹

Li Zhuoru, PhD student at the Department of Sociology, Lomonosov Moscow State University (Russia) and Deputy Secretary General of the World Association for Political Economy (WAPE) and Visiting Scholar at the Institute for State Security Studies, Nankai University (China), e-mail: liz@my.msu.ru

Part II identifies and empirically tests the strategy for shaping the political elites of the PRC's party-state complex, as presented in Part I, which is linked to two factors of China's modernization: namely, the material and technical base and the scientific, technological, and digital revolution, as well as with the transformation of the superstructure and spiritual socialist culture. A procedural reconstruction of the sequence of reforms, combined with official statistics and empirical evidence, makes it possible to identify the mechanisms underlying elite formation, including institutionalized rotation, professionalized selection, institutional adaptation and innovation, network resources, and scientifically sound management procedures – as intermediary links through which elites link industrialization, innovation policy, and data management to the tasks of social stability, redistribution, and risk management. In the material-technical sphere, strategic planning, institutional design, and the “development – security” nexus translate scientific and technological shifts into an institutionalized path of modernization, establishing a sustainable framework for the management and support of innovation. Within the superstructural framework, ideological production, anti-corruption and disciplinary practices, as well as cultural and value-based integration, shape institutional legitimacy and sustain the reproduction of spiritual socialist culture.

Keywords: China's political elites, material and technical base, scientific, technological, and digital revolution, superstructure and ideological production, socialist spiritual culture

¹ Окончание. Начало см. в выпуске № 3, 2026 г.

¹ End. For the beginning, see issue No. 3, 2026.

Введение

Настоящая статья представляет собой продолжение исследования о теории формирования политических элит Китая и китайской модернизации. В Части I была предложена институциональная теория среднего уровня, включающая четыре взаимосвязанных механизма формирования элит (институционализируемая ротация, адаптация и инновации, социальный капитал и элитные сети, научно-рациональное управление). В данной Части II эта схема используется для эмпирического анализа материальной базы и научно-технических трансформаций, а также надстройки и духовной социалистической культуры.

Основная часть

Материальная база и научно-техническая революция: проверка материально-технического измерения теории формирования китайских политических элит

Исторический материализм исходит из того, что изменения в способе материального производства определяют базовые формы и направление развития общества и выступают фундаментальной движущей силой исторического процесса. Как подчеркивал В.И. Ленин: «Мы ценим коммунизм только тогда, когда он обоснован экономически», что фактически приводит к следующему выводу – лишь при высоком уровне общественной организации производительных сил, обеспечивающих устойчивое производство и изобилие материальных благ и духовной социалистической культуры, социалистическое общество получает реальную возможность перехода на более высокую ступень развития [6]. Тем самым, ленинская постановка вопроса непосредственно опирается на высказанную К. Марксом в «Критике Готской программы» мысль о том, что «На высшей фазе коммунистического общества <...> когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком...» [9. С. 20]. Именно такая перспектива материального изобилия и всестороннего развития индивидов задает нормативный горизонт для понимания китайской модернизации как длительного процесса подготовки экономических и социально-культурных предпосылок более высокой стадии социализма.

Применительно к китайской модернизации по имеющимся данным можно реконструировать специфический институциональный процесс. При ускоренном росте производительных сил и научно-технической революции политические элиты, находящиеся в ядре партийно-государственной структуры и воспроизводящиеся посредством

институционализируемой ротации элит, не ограничиваются только реакцией на внешние импульсы, а активно вписываются в сложившиеся институциональные траектории, используя закрепленные процедуры принятия решений. Институциональное проектирование, политический выбор и организационная мобилизация образуют комплекс согласованных действий, который изменяет распределение ресурсов и материально-техническую базу производства и увязывает трансформацию производственных структур с государственными стратегиями.

Если проследить путь от первого десятилетия после образования КНР с установкой приоритета ускоренного строительства базовой промышленности и оборонной науки на основе централизованной «всенародной системы» до периода реформ и открытости, когда опирались на рыночное ценообразование, происходили модификации форм собственности и реформы предприятий при сохранении макроуправления, то становится эмпирически наблюдаемым, что политические элиты посредством организованной институциональной практики перевели общие закономерные изменения способа производства на институционализируемые рельсы модернизации, формируя материальный фундамент китайской модернизации.

В сравнительной перспективе описанный институциональный механизм заметно отличается от управленческих моделей, основанных на капиталистическом способе производства, где, согласно марксистской политической экономии, управленческая деятельность ориентирована на воспроизводство господствующего класса, а государственные институты и их административные элиты обслуживают различные классовые интересы. При капитализме государственные структуры и менеджеры крупных корпораций, выполняющие функции планирования и координации, включены в институциональную логику максимизации прибыли и накопления капитала, а управление обществом осуществляется «саморегуляцией» товарных отношений и рыночных цен, что при современных масштабах производства ведет к диспропорциям, лишь частично сглаживаемым государственно-монополистическим капитализмом через макрорегулирование.

В отличие от этого в социалистической системе на основе общественной собственности и руководящей роли партии рабочего класса государственные органы и массовые организации выдвигают на первый план сознательное планирование. Если до периода реформ и политики открытости оно реализовывалось как централизованная плановая система, то после начала реформ – как социалистическая рыночная экономика, соединяющая макрорегулирование и стратегическое планирование с конкурентными механизмами и ценовыми сигналами и формирующая процедурный

стиль управления, основанный на знаниях. В терминах классической марксистской традиции это совпадает с тем, как Ф. Энгельс описывал переход к коммунистическому способу производства: «...общественная анархия и производство заменится общественно-планомерным регулированием производства сообразно потребностям как общества в целом, так и каждого его члена...» [4. С. 291], — именно в этом контексте институционализированная деятельность китайских политических элит по интеграции, индустриализации, информатизации и сельской модернизации может быть понята как эмпирически наблюдаемая форма такого «общественно-планомерного регулирования» при сохранении долгосрочного приоритета общественных интересов. В этой институциональной структуре политические элиты занимают ключевые позиции в системе планирования и, будучи ограничены институционализированной ротацией элит и формальными нормами, координируют соотношение плана и рынка на разных этапах развития и коллективно несут политическую ответственность за развитие материально-технической базы.

В известной мере именно руководство социальным управлением в рамках определенных форм собственности и производственных отношений, ориентированное на инкорпорацию технического прогресса и структурной перестройки в желаемый путь китайской модернизации, выступает специфической формой субъектности китайских политических элит.

Фактически выявляются системные расхождения с моделью функционирования капиталистических политических элит, полагающихся преимущественно на стихийно-рыночные механизмы регулирования, причем они проявляются и в институциональной среде функционирования, и в характере функционального позиционирования, так что встраивание субъектно-объектных отношений в контекст китайской модернизации приобретает принципиально иные конфигурации.

Обращение к периоду после основания КНР показывает, как реализовывалась субъектность элит при формировании материальной базы китайской модернизации. Новое государство закрепило формулу «освобождение и развитие производительных сил» как исходную задачу материальной базы и, опираясь на всенародную систему, реализовало стратегию приоритета тяжелой промышленности, что в сжатые сроки позволило сформировать промышленный и оборонно-научный комплекс. Эта мобилизация ресурсов и структурная перестройка были возможны благодаря политическим элитам, сформированным в ходе революции и социалистического строительства и обладавшим опытом коллективного действия.

Всенародная система предполагала комплексную профессиональную структуру высших эшелонов власти и связь между административными рангами и партийными должностями, создавая институциональные предпосылки для формирования элит и основу для стабильной институционализированной циркуляции элит. В эпоху реформ и открытости политические элиты под руководством Дэн Сяопина, учитывая конфигурацию производительных сил и международное разделение труда, сосредоточили деятельность партийно-государства на экономическом строительстве и через реформы собственности и предприятий, внедрение рыночных механизмов и расширение открытости инициировали институциональную адаптацию, одновременно трансформируя социальный состав элит за счет инкорпорации представителей новых предприятий и технических отраслей. В результате сложилась структура политической элиты, функционально связанная с логикой рыночных реформ.

По данным Всемирного банка, за сорок лет около 800 млн человек в Китае были выведены из абсолютной бедности, что составляет значительную долю глобального сокращения бедности [3]. Эвристически эта динамика не сводится к расширению рынка и подлежит интерпретации как результат совокупного действия структурных факторов, среди которых институциональные механизмы формирования элит, влияющие на приоритеты распределения ресурсов, интенсивность политики и межуровневую координацию, занимающие важное место. Одновременно поддержание широкомасштабной мобилизации ресурсов предполагало сопряжение институционализированной циркуляции элит с системой народного самоуправления и опорой на социальный капитал и элитные связи, что обеспечивало доступ общин к коллективным ресурсам и участие в локальных инициативах, а развитие отсталых районов стало результатом осознанных политических решений, а не действия абстрактных «чистых» экономических законов.

На этапе новой научно-технической и цифровой революции, ключевыми маркерами которой выступают информационные технологии, биотехнологии и цифровая экономика, китайские политические элиты достаточно рано осознали, что овладение «высотами» в области критических технологий превращается в опорный пункт конкурентной борьбы совокупных мощностей и важный рычаг перераспределения сил в международной системе. Понятие «научно-технического самообеспечения и самостоятельного укрепления» было ими поднято до уровня центрального узла стратегии национального развития. Целенаправленно добиваясь системного встраивания научно-технической стратегии в средне- и долгосрочные планы, они через запуск крупных целевых программ, перестройку центрального

контура принятия решений в сфере науки и технологий и реформу системы подготовки кадров последовательно формировали национально ориентированную инновационную систему с ведущей ролью государства, превращая научно-техническую сферу в один из решающих участков конкурентной борьбы социалистического Китая на мировой арене.

Внутри партийно-государственного комплекса по линиям партийных комитетов и органов государственного управления возростала доля руководителей с инженерно-техническим образованием и специализацией в ключевых отраслях, усиливалась профессиональная взаимодополняемость внутривластной и административной элит в управлении наукой и технологиями, так что сочетание профессиональной и политической квалификации стало наблюдаемым институциональным признаком механизма формирования политических элит и в практическом плане способствовало ускоренному рывку Китая в таких областях, как квантовая информация и сети пятого поколения.

Во втором десятилетии «новой эпохи» субъектность политических элит еще ярче проявляется в политике, ориентированной на сознательное совмещение целей развития и безопасности, качества и эффективности. XX съезд КПК (2022) придал высококачественному развитию приоритетный статус: на уровне принятия решений укрепляется ориентация на долгосрочную устойчивость и учет рисков, усиливается регулирование и контроль за финансами и деятельностью платформенных компаний и обмена данными. На фоне растущего внешнего технологического давления и перестройки глобальных цепочек поставок реорганизация Государственного совета КНР в 2023 г. привела к созданию Центральной комиссии по науке и технологиям, Государственного управления по вопросам данных и других структур, призванных укрепить централизованное руководство партии в области научно-технических прорывов и управления стратегически значимыми ресурсами данных и повысить уровень безопасности ключевой материальной базы и стратегических ресурсов. В логике формирования политических элит эти институты выступают не только функциональным дополнением архитектуры управления, но и выражением институционализированного внимания к компетенциям в сфере науки, технологий и управления данными при отборе элит, поскольку они открывают новые институциональные каналы продвижения для кадров с междисциплинарным профилем и опытом в цифровом управлении, тем самым смещая структуру формирования политических элит в сторону более высокой значимости

компетенций в области информатизации и управления рисками.

На фоне возросшей неопределенности внешней среды китайская экономика в целом демонстрирует высокую степень устойчивости, а такие базовые показатели, как продовольственная безопасность, сохраняются на относительно стабильном уровне, что эмпирически связано с ранее сформированной научно-технической и институциональной конфигурацией и комплексным использованием аграрно-политических инструментов. В терминах теории формирования политических элит Китая поддержание продовольственной безопасности свидетельствует о сложившемся на центральном и местном уровнях действенном механизме институциональной связки отбора и ответственности кадров, при котором охрана пахотных земель, возрождение семеноводства и объем продовольственного производства включаются в систему оценки деятельности местных руководителей, а требования продовольственной безопасности переводятся в плоскость институционализированной ответственности местных политических элит и обеспечивают китайской модернизации относительно устойчивую аграрную материальную и сельскую социальную базу.

Интервью автора статьи с главами субъектов провинциального уровня и работниками Центрального организационного отдела показало, что на фоне новой научно-технической революции политикам с инженерно-техническим или естественно-научным образованием отдается предпочтение, поскольку научно-техническая компетентность, профессиональные навыки и глобальное видение выступают важными критериями отбора кадров. От политических элит ожидают понимания траекторий ключевых базовых технологий, координации модернизации промышленности, пространственного выравнивания развития и управления рисками и способности превращать структурные вызовы технологической революции в институционализированные возможности модернизационного развития².

Эмпирически наблюдается тесная связь материальной базы и научно-технического развития, что позволяет китайской политической элите через серию институциональных решений и стратегических корректировок интегрировать многомерные задачи индустриализации, информатизации и модернизации сельского хозяйства и сельских территорий в единый управленческий контур, обеспечивая одновременное расширение материальной базы китайской модернизации и ее структурное обновление. С точки зрения субъектности этот процесс концентрированно отражает,

² Полевые материалы автора настоящей статьи: полуструктурированные интервью с руководителями провинциального уровня и сотрудниками Центрального организационного отдела КПК; период проведения – 2025; общее число интервью – 14; места проведения – Пекин; материалы обезличены; по запросу редакции и рецензентов могут быть предоставлены для проверки при соблюдении условий конфиденциальности.

во-первых, в когнитивном измерении системную оценку долгосрочного развития и рисков безопасности, *во-вторых*, в стратегическом измерении комбинированное использование ресурсов и политических инструментов, *в-третьих*, в инновационном измерении переработку траекторий развития посредством институциональной адаптации и институциональных инноваций, *в-четвертых*, в нормативном измерении закрепление «высококачественного развития» и «безопасного развития» в качестве ключевых критериев оценки политики и ценностных ориентиров реорганизации материальной базы. В этом процессе практическая субъектность политических элит, с одной стороны, проявилась в готовности на этапе высоких темпов роста целенаправленно сломать устаревшие институциональные установки и перестроить структуру собственности, соотношение планирования и рынка и конфигурацию внутренней и внешней открытости, с другой – в новом этапе развития она выражается в более сознательном совмещении развития и безопасности, эффективности и справедливости, краткосрочных задач и долгосрочных интересов и в ориентации на рациональное «извлечение выгод и минимизацию ущерба» при формировании политического курса.

Постепенно усиливающаяся в политике установка на «комплексное совмещение развития и безопасности» отражает рост значения компетенций в области управления рисками и долгосрочного планирования в структуре формирования элит, поскольку опыт работы в сложных рискованных ситуациях и межведомственной координации всё более превращается в важный критерий отбора элитных кандидатов. Проверка положений нашей теории формирования политических элит Китая показывает, что группа политических элит, сформированная при определенных институциональных условиях, обладает способностью относительно сознательно балансировать между структурным обновлением и социальной распределительной политикой и рассматривать социальную стабильность и эффективность управления как ключевые критерии оценки институциональных решений.

Промежуточный вывод показывает, что для более полной проверки теории формирования политических элит Китая требуется расширить аналитический фокус от материальной базы и научно-технического развития к политико-правовым институтам и сфере духовной социалистической культуры и исследовать, как механизмы формирования элит воспроизводятся и корректируются в процессах идеологического производства, ценностной интеграции и институциональной легитимации. Именно это составляет основную задачу последующего раздела.

Надстройка и социалистическая духовная культура: проверка культурно-идеологического измерения теории формирования китайских политических элит

Проведенный в предыдущем разделе анализ показал, что китайская модернизация не является самопроизвольным линейным развитием внутри уже заданной структуры, а выступает историческим процессом, в котором в специфическом институциональном поле системы «партия – государство» модернизационные изменения организуются, координируются и постоянно корректируются политическими элитами. Настоящий раздел опирается на рассмотренные ранее механизмы (Часть I) институционализированной ротации элит и анализ материальной базы и научно-технической революции, переносит фокус на политико-правовые институты и сферу духовной культуры, чтобы выявить логику функционирования субъектности политических элит при трансформации надстройки.

Исходя из марксистско-ленинского исторического материализма модернизация трактуется как целостный процесс взаимодействия экономического базиса и надстройки, в котором глубокие изменения в способе материального производства сопровождаются переконфигурированием структуры властных отношений, системы институциональных норм и ценностных ориентиров. Эта исходная посылка была сформулирована К. Марксом в его известной формуле: «Не сознание людей определяет их бытие, а наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [9. С. 491], что задает вектор анализа того, как изменения в материальном способе производства и классовой структуре подготавливают трансформацию идеологических форм и институциональных конфигураций.

В интерпретации теории формирования китайских политических элит, понимаемой как институциональная теория политической элитной субъектности, это переконфигурирование реализуется, *во-первых*, через включение систематической оценки идеологической идентичности и ценностных установок в структуру институциональных возможностей, что превращает культурный капитал и символическую идентичность в необходимые условия формирования политических элит, а *во-вторых*, через активное участие политических элит в институциональном проектировании и культурном производстве, создавая промежуточное поле взаимодействия между структурой формирования элит и структурой общественных ценностей. Тем самым трактовка субъектности элит в статье строго вписывается в классическую формулу Ф. Энгельса, согласно которой «Экономическое положение – это базис, но на ход исто-

рической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки» [7. С. 394] – институциональные новации, идеологическое производство и ценностная политика. Все они трактуются не как второстепенные «надстройки», а как моменты, через которые экономическое движение «в конечном счете прокладывает себе дорогу» в конкретных исторических формах. В этом поле одновременно задаются символические пороги вхождения в элитную группу и регулярно корректируется доминирующая конфигурация ценностей, поэтому субъектность политических элит институционализируется как ключевая сила конструирования духовной социалистической культуры. Таким образом, китайский опыт предоставляет аналитический вход для преодоления тенденции к «вымыванию субъекта» в исследованиях модернизации, а последующий анализ будет развернут по двум взаимосвязанным измерениям – надстройки и духовной социалистической культуры.

С начала реформ и политики открытости ускоренное улучшение материальных условий жизни и глубокая реструктуризация социальной структуры развиваются параллельно, расширяя пространство действий индивидов и групп и одновременно усиливая ценностный плюрализм, психологическую напряженность и относительный дефицит нормативных ресурсов в отдельных сферах.

Китайские политические элиты в рамках китайской модернизации в надстроечном измерении, в отличие от капиталистических элит, реализуют более рефлексивную стратегию институциональной адаптации и инновации. За счет корректировки идеологического дискурса, реконфигурации рамок публичных ценностей и институционализации культурного предложения в системе образования, медиасистеме, культурной политике они усиливают процедурные правила и механизмы ответственности и переводят требования «научно-рационального управления» в наблюдаемые политико-управленческие практики, что в рамках заданных институциональных ограничений повышает уровень социальной стабильности и эффективности управления. В этом контексте предложенное А. Мегджи понятие «обратного наставничества» подчеркивает, что современная социальная теория нуждается в реконфигурации через диалог с опытом так называемого Глобального Юга, а не через абстрактное возведение западной траектории в статус единственной меры [1].

Исходя из такого проблемного фокуса, китайский опыт в настоящей работе не трактуется как исключение из существующих теорий модернизации, а используется для эвристической проверки их исходных предпосылок относительно отношений субъекта и объекта и для поддержания критической позиции в отношении конвергентных подходов и связанных с ними концепций «единой индустриаль-

ной цивилизации» и «постиндустриального общества». Эти подходы исходят из предположения, что капитализм и социализм в условиях высокой индустриализации неизбежно сближаются по одной и той же траектории развития, фактически абсолютизируя диффузию индустриальной техники и форм организации производства, ослабляя значение институциональных различий, скрывая структурные противоречия капитализма и тем самым поддерживая воспроизводство существующего международного порядка.

В китайском контексте такие конвергентные аргументы, игнорирующие институциональное многообразие и различия путей развития, становятся объектом устойчивой рефлексии и критики, поэтому в теоретической артикуляции и практических выборах китайская модернизация с особой настойчивостью подчеркивает автономность пути и институциональную самобытность, опираясь на осознанное понимание модернизационной траектории как институционализованного выбора. В итоге китайский опыт встраивается в современную социологическую систему знаний и обсуждение «новой формы человеческой цивилизации» не как периферийный случай, а как полноправная точка отсчета для сравнительно-институционального переосмысления теорий модернизации и для дальнейшего анализа того, каким образом различные типы политических элит конструируют свои траектории развития.

Китайская модернизация эмпирически показывает, что субъектность политических элит проявляется также в надстроечных процессах, прежде всего в трансформации ценностных норм, институционального доверия и культурно-идентификационной политики. Эти измерения напрямую соотносятся с ранее выделенными четырьмя аспектами субъектности элит.

♦ Во-первых, на уровне ценностных норм политические элиты через теоретическое конструирование, институционализованное распространение идеологии и образовательную политику переводят отдаленный коммунистический идеал и целевую установку социализма с китайской спецификой в разделяемый различными слоями населения смысловой каркас. Тем самым базовые социалистические ценности встраиваются в нормативную систему, регулирующую структуру стратификации и противоречия интересов, порожденные рыночной трансформацией. В то же время макростратегии развития через политический дискурс, медиаповестку и организованные механизмы социализации превращаются в когнитивные ориентиры и поведенческие стандарты повседневной жизни. В этой оптике институционализованная ротация элит в Китае может рассматриваться как механизм, который посредством системы образования, идеологической работы и организованной

социализации реконструирует и переосмысливает существующие стереотипы [10], соединяя их со структурой социалистических ценностей и обеспечивая внедрение макростратегий в повседневную практику.

По данным Государственного статистического управления, коэффициент Джини³ составлял 0,491 в 2008 г. и 0,467 в 2022 г., а соотношение доходов 20% наиболее обеспеченного и 20% наименее обеспеченного населения в 2024 г. достигло 10,36:1 [5], что эмпирически указывает на длительно накапливавшееся структурное неравенство и задает для субъектности элит на уровне ценностей измеримый контекст напряжения, в рамках которого лозунг «общее процветание» приобретает характер ответной институциональной стратегии.

◆ Во-вторых, на уровне институционального доверия и воспроизводства легитимности политика всестороннего ужесточения партийного строительства и антикоррупционная практика функционируют как институционализированные механизмы внутреннего контроля и ответственности в партии-государстве. Усиление организационного надзора и взаимного сдерживания властей, уточнение процедурных норм и последовательное привлечение к ответственности высших чиновников, включая «ключевое меньшинство», сужает пространство для ренты и клановых структур и одновременно восстанавливает у граждан процедурное и результативное доверие к институтам. В результате дисциплинарные ограничения, ценностная ориентация на служение постепенно конвертируются в устойчивый политический капитал, поддерживающий социальную стабильность и эффективность управления, причем именно предсказуемость санкций и прозрачность процедур здесь выступают ключевыми ресурсами институциональной результативности.

◆ В-третьих, в сфере культурной политики и коллективной идентичности политические элиты трактуют китайскую классическую и революционную культуры как специфический символический капитал, подлежащий реинтерпретации и актуализации в новых исторических условиях. Через образовательные программы, публичные культурные пространства и регуляторные механизмы в сфере художественного производства они соединяют традиционные представления о народовласти, ответственности за «семью и государство» и нравственном воспитании с современными социалистическими ценностями. В контексте глобализации это ограничивает монополию западной культурной повестки, укрепляет историческую память, чувство национальной общности и этику ответственности и тем самым направляет формирование гражданской культуры, основанной на уважении к нормам, участию в общественных делах и осознанном исполнении прав и обязанностей. В итоге культурное строи-

тельство оформляется как ключевой институциональный механизм, поддерживающий функционирование социалистической демократии и правопорядка, обеспечивающий национальную идентичность и общественную интеграцию и создающий необходимую основу для устойчивого воспроизводства социалистической духовной культуры.

В целом продемонстрированные усилия свидетельствуют, что политические элиты Китая интегрируют реформы надстройки с общим ходом китайской модернизации, постепенно формируя духовную социалистическую культуру с ярко выраженной национальной спецификой.

На теоретическом уровне между китайскими и западными модернизационными подходами обнаруживается принципиальное расхождение в исходных представлениях о соотношении субъекта и объекта, имеющее не только познавательное, но и мировоззренческое значение для оценки исторической роли политических элит.

Классические западные теории модернизации склонны трактовать ее как самодвижущийся структурный процесс, обусловленный накоплением капитала, технологической диффузией и углублением разделения труда, и тем самым выносят экономику и технику за пределы субъективной практики, что аналитически ослабляет активную роль исторических субъектов и политических элит и сводит институциональное проектирование и политическую деятельность к технической адаптации к стадиям развития.

В современном информационно-коммуникационном обществе скрытие субъекта за объектом проявляется не только в представлении экономики и технологий как самопроизвольных факторов, но и в иллюзии «самостоятельности» СМИ. Как отмечает С.О. Елишев, «...средства массовой информации и пропаганды не являются автономным субъектом социальных и политических процессов, а служат эффективным инструментом в руках различных субъектов общественной и политической жизнедеятельности, задействованных в процессах формирования общественного мнения, социального манипулирования и социального мифотворчества» [4]. Отсюда вытекает, что даже так называемая «четвертая власть» не существует вне социальной структуры, а включена в целенаправленную практику по производству коллективной памяти и формированию социального воображаемого. Когда же классические теории модернизации редуцируют ее к самодвижению капитала и технологий, они фактически скрывают организацию и регулирование этих процессов со стороны политических элит и других коллективных акторов через институты и каналы коммуникации. В этой перспективе теория формирования китайских политических элит, или институциональная

³ Коэффициент Джини – это статистический показатель, измеряющий степень экономического неравенства (расслоения) в обществе по доходам или богатству от 0 до 1.

теория субъектности элит утверждает, что модернизация представляет собой исторический процесс взаимодействия структурных условий и активных субъектов, а институционализированная система коммуникации, включающая медиа и пропаганду, образует важное посредническое пространство, внутри которого формируются и действуют политические элиты.

В отличие от схем, рассматривающих структуру как внешний объект, эта теория, опираясь на китайский опыт, подчеркивает, что политические элиты на уровне государства совместно с институциональными установлениями партии-государства образуют высокоорганизованный коллективный субъект, который через институционализированную ротацию элит, стратегическое планирование и мобилизацию ресурсов воспринимает экономико-технические условия как поле выбора, интеграции и преобразования. Таким образом на институциональном, материально-техническом и культурно-сравнительном уровнях становится возможным отказаться от предпосылки «автоматического развертывания» модернизации и придать субъектности политических элит проверяемую объяснительную силу в различных эмпирических контекстах.

С точки зрения теории формирования элит это означает, что в институциональном проектировании китайская модернизация реализует субъектно ориентированную модель формирования элит, тесно связывая институционализированную циркуляцию элит с реструктуризацией классово-структуры, развитием массовых организаций и идеологическим воспитанием. В продолжение ранее изложенной логики ключевые решения в ходе модернизации перестают интерпретироваться как побочный продукт безымянных структурных сил и рассматриваются как политический процесс с определенными субъектами ответственности и отслеживаемыми траекториями формирования. Таким образом, политические элиты, концентрируя ресурсы в сферах образования, инфраструктуры и социальной защиты, способны в относительно короткие периоды существенно изменять показатели грамотности, доступности базовой медицины и развития межрегиональных транспортных сетей, целенаправленно формируя материально-техническую базу. Это вступает в очевидное напряжение с представлениями о модернизации как естественном результате расширения рынка и «технично-экономического» эффекта.

Вместе с тем выдвижение политических элит в центр анализа модернизации не означает игнорирования структурных рисков из-за высокой концентрации власти. Теория формирования китайских политических элит, опираясь на институционализм и критическую социологию, подчеркивает необходимость регулировать организационную способность элит к институциональному строительству

и структурной перестройке внутренними процедурными ограничениями и механизмами общественного контроля. Опыт китайской модернизации показывает, что при долговременном правлении одной партии и высокой государственной способности формирования нормативных правил о предельных сроках, процедурах коллективного принятия решений, консультациях и слушаниях, а также многоуровневых представительных и консультативных каналах расширяются институциональные возможности участия граждан и общественных организаций в управлении, ограничивается формирование закрытых властных групп, что способствует поиску устойчивого динамического баланса между эффективностью и участием, концентрацией и сдерживанием.

Интервью автора статьи с руководителями, работавшими в разные исторические периоды, демонстрируют, что практика всестороннего усиления партийной дисциплины в период руководства Си Цзиньпина заметно усилила эти институциональные ограничения. Сочетание мониторинга больших данных, аудита экономической ответственности и механизмов привлечения к ответственности сужает пространство для произвола и постепенно превращает принцип «не осмеливаться, не иметь возможности и не желать коррупции» в повседневную поведенческую логику нового поколения политических элит.

В более широком историческом контексте концепции «новой формы человеческой цивилизации» и «общества единой судьбы человечества», выдвигаемые в рамках китайской модернизации, предполагают одновременно теоретическое переосмысление и практическое преодоление западного капиталистического модернизационного образца. Исторический опыт социалистических стран, прежде всего СССР, убедительно показывает, что попытки встроиться в капиталистическую мировую систему на условиях структурной асимметрии приводят к закреплению зависимого положения. В этом контексте китайская концепция «новой формы человеческой цивилизации» выступает как попытка принципиально переопределить сами рамки мировой системы.

Империалистическая экспансия, диспропорция распределительных систем между Севером и Югом и углубление разрыва между богатыми и бедными всё чаще интерпретируются как структурные следствия капиталистической логики развития, плохо поддающиеся самокоррекции. В то же время социалистический путь развития Китая, придерживаясь принципов мирного, совместного и устойчивого развития, стремится на практике смягчать и частично преодолевать эти негативные эффекты, предлагая миру альтернативную цивилизационную перспективу, отличную от ориентированной на капитал. В таком

понимании понятия «новая форма человеческой цивилизации» и «сообщество единой судьбы человечества», лежащие в основе китайской модернизации, выступают не только элементами внутренней политической риторики, но и постепенно воспринимаются международным академическим сообществом как системный ответ на дисфункции современной мировой структуры [11. С. 134]. Через акцент на мирное развитие, продвижение всеобщего процветания, практику сотрудничества с взаимной выгодой и построение сообщества единой судьбы человечества, возводя эти принципы в основу внешней политики и участия в глобальном управлении, китайские политические элиты демонстративно отказываются от моделей колониальной эксплуатации и гегемонистской конкуренции. В выработке направлений развития современной цивилизации китайская политическая элита прежде всего ориентирована на равенство, взаимную выгоду и общую безопасность. Это не только конкретизирует многовариантность модернизации, но и открывает пространство для субъектности стран глобального Юга в выработке модернизационных и цивилизационных концепций.

Суммируя эмпирические данные о материальной базе, научно-технической революции, надстройке и духовной культуре, теория формирования китайских политических элит предстает как субъектно ориентированная теория среднего уровня. Она объясняет, каким образом при определенном способе производства и форме государства политические элиты через институционализированную ротацию элит, институциональную адаптацию и инновации, использование социального капитала, элитных сетей и научно-рационального управления отбираются, социализируются, размещаются и воспроизводятся в системе власти партии-государства и каким образом этот процесс влияет на реорганизацию материальной базы и формирование социалистической духовной культуры.

На операциональном уровне этот процесс включает последовательные этапы: выявление и рекомендацию кандидатов, организационное принятие и вступление в партию, включение в кадровую систему с последующим обучением и ротацией, переход на ключевые позиции и межпоколенческую мобильность в рамках институционализированной ротации элит. На каждом из этапов четыре механизма проявляются по-разному, поэтому формирование элит поддается эмпирическому прослеживанию и институциональному анализу.

По сравнению с классическими западными теориями, рассматривающими модернизацию как автономный структурный процесс, теория субъектности политических элит помещает элиты и механизмы их формирования в центр анализа и подчеркивает, что элиты представляют собой не

абстрактные «руководящие силы», а группы, которые в конкретных социальных структурах и институтах постоянно производятся, отбираются и реорганизируются через подпадающие реконструкции регулятивные каналы, тем самым обеспечивается относительно структурная устойчивость политических элит.

Заключение

Проведенный анализ позволяет выделить три эмпирически наблюдаемых следствия.

Во-первых, под действием четырех механизмов – институционализированной ротации элит, институциональной адаптации и инноваций, социального капитала и элитных сетей, научно-рационального управления – формирование китайских политических элит обладает четко очерченной структурой институциональных возможностей и межпоколенческой преемственности.

Во-вторых, эти механизмы, воздействуя на корректировку способа производства, распределение научно-технических ресурсов и перестройку надстройки, в значительной степени объясняют относительную стабильность и конфигурацию рисков китайской модернизации.

В-третьих, в диалоге с западной капиталистической модернизацией и опытом других стран Глобального Юга предложенная теория формирует универсальный аналитический каркас для сравнения ролей политических элит в различных модернизационных траекториях. В более широком сравнительном ракурсе существующие исследования, анализирующие управленческие практики элитных университетов и феномен «неравнодемократии», показывают, что политические элиты современности часто проходят предварительную социализацию в высокоселективных образовательных учреждениях и в условиях структурного неравенства выполняют двойную функцию сохранения и модификации порядка. Это утверждение еще раз подчеркивает взаимосвязь между путями формирования элит и структурой неравенства, одновременно фиксируя наличие пространства для институциональной коррекции [2].

Учитывая полученные результаты, теорию субъектности политических элит целесообразно позиционировать как институциональную теорию среднего уровня, открытую к сопоставлению с другими национальными опытами и объясняющую, каким образом в различных модернизационных траекториях политические элиты конструируют свои пути развития, лавируя между институциональными ограничениями и активностью субъекта; при этом сохраняется возможность принципиальной оценки направленности этих траекторий с точки зрения задач социалистической модернизации.

Литература

1. Meghji, A. (2024) From Public Sociology to Sociological Publics: The Importance of Reverse Tutelage to Social Theory. *Sociological Theory*, 42, Article 2. <https://doi.org/10.1177/07352751241227429>
2. Agarwala, R., & Roychowdhury, P. (2025) The Perils and Promises of Unequal Democracy: Insights from the Sociology of India. *Annual Review of Sociology*, 51. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-090324-022910>; Thornton, J. Classmates or Colleagues? How Elite Students Learn to Manage One Another. *Qual Sociol*, 48, 121–149 (2025). <https://doi.org/10.1007/s11133-024-09585-7>
3. World Bank Group. Lifting 800 Million People Out of Poverty – New Report Looks at Lessons from China's Experience. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2022/04/01/lifting-800-million-people-out-of-poverty-new-report-looks-at-lessons-from-china-s-experience#:~:text=,percent%20of%20global%20poverty>
4. Елишев С.О. Роль средств массовой информации и пропаганды в социальных и политических процессах // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2025. № 31 (4). С. 29–50. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2025-31-4-29-5>
5. Источник: база данных «государственные данные» ГСУ Китая. URL: <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01&zb=A0A0G&sj=2024>.
6. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 38. М.: Издательство политической литературы, 1969.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Йозефу Блоху, 21–22 сентября 1890 г. // Сочинения. Изд. 2. Т. 37. М.: Государственное издательство политической литературы, 1965.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Сочинения. Изд. 2. Т. 20. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961.
9. Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии // Сочинения. Изд. 2. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959.
10. Осипова Н.Г. Роль социальных стереотипов в управлении поведением личности (Продолжение) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2025. № 31 (4). С. 7–28. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2025-31-4-7-28>
11. Современная идеология КНР. Идеи Си Цзиньпина как основа политики Китая / под ред. К.В. Бабаева. <https://doi.org/10.48647/ICCA.2025.12.10.002>. М.: ИКСА РАН, 2025.

References

1. Meghji, A. (2024) From Public Sociology to Sociological Publics: The Importance of Reverse Tutelage to Social Theory. *Sociological Theory*, 42, Article 2. <https://doi.org/10.1177/07352751241227429>
2. Agarwala, R., & Roychowdhury, P. (2025) The Perils and Promises of Unequal Democracy: Insights from the Sociology of India. *Annual Review of Sociology*, 51. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-090324-022910>; Thornton, J. Classmates or Colleagues? How Elite Students Learn to Manage One Another. *Qual Sociol*, 48, 121–149 (2025). <https://doi.org/10.1007/s11133-024-09585-7>.
3. World Bank Group. Lifting 800 Million People Out of Poverty – New Report Looks at Lessons from China's Experience. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2022/04/01/lifting-800-million-people-out-of-poverty-new-report-looks-at-lessons-from-china-s-experience#:~:text=,percent%20of%20global%20poverty>
4. Yelishov, S.O. "The Role of the Mass Media and Propaganda in Social and Political Processes". *Vestnik of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*. 2025. No. 31 (4). Pp. 29–50. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2025-31-4-29-5>
5. Source: "Government Data" database of the General Administration of State Statistics of China. URL: <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01&zb=A0A0G&sj=2024>
6. Lenin, V.I. *Collected Works*. Vol. 38. Moscow: Publishing House of Political Literature, 1969.
7. Marx, K., and Engels, F. To Joseph Bloch, September 21–22, 1890. In: *Collected Works*. 2nd ed. Vol. 37. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1965.
8. Marx, K., and Engels, F. *Anti-Dühring*. *Collected Works*. 2nd ed. Vol. 20. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1961.
9. Marx, K., and Engels, F. On the Critique of Political Economy. In: *Collected Works*. 2nd ed. Vol. 13. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1959.
10. Osipova, N.G. The Role of Social Stereotypes in Regulating Individual Behavior (Continued). *Vestnik of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*. 2025. No. 31 (4). Pp. 7–28. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2025-31-4-7-28>
11. Contemporary Ideology of the PRC. Xi Jinping's Ideas as the Foundation of Chinese Policy / ed. by K.V. Babaev. <https://doi.org/10.48647/ICCA.2025.12.10.002>. Moscow: IKSAN RAS, 2025.